

DOI:

*Дегтярева Мария Игоревна,
доктор философских наук, кандидат исторических наук,
Пермская епархия Русской Православной церкви*

**«ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ»: ДЕЛО
«ОБЩЕСТВА ТРУДОВОГО ДУХОВЕНСТВА» (1937 Г.).
ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРМГАСПИ¹**

Аннотация. Октябрьская революция 1917 г. и развернутая властью антицерковная кампания привели к парадоксальному результату. Для части советских граждан 1920–1930-е гг. стали временем духовной дезориентации и разочарования. Для другой – противостояния идеологическому контролю, а нередко и возвращения в лоно гонимой и переживающей трагедию разделения Православной церкви. В СССР в тот период складывалась традиция тайной жизни в Церкви и открытого исповедничества.

Ключевые слова: церковь, антирелигиозное преследование, «общество трудового духовенства», «православные братства».

*Degtyareva Maria Igorevna,
Doctor of Philosophy, Candidate of Historical Sciences,
Perm diocese
Russian Orthodox Church*

**"LOOKING AT THE THIRTY-SEVEN: THE CASE
OF THE SOCIETY OF LABOR SPIRITUALITY" (1937).
ON THE MATERIALS OF PERMGASPI**

Annotation. The October Revolution of 1917 and the anti-church campaign launched by the authorities led to a paradoxical result. For some of our compatriots, the 20s – 30s became a time of spiritual disorientation and disappointment. For another part, it was a time of resisting ideological control and returning to the bosom of the tragically divided Orthodox Church. In the USSR at that time there was a tradition of secret life in the Church.

¹ Публичная лекция состоялась 16.08.2019 г. на Пермской ярмарке в рамках межрегиональной выставки «Православная Русь».

The phenomenon of the church «underground» appeared on the territory of the USSR. One of its manifestations was the activity of the St. Petersburg «Orthodox brotherhoods». A later echo «of the St. Petersburg history was the Perm case of 1937 about the «Society of Working Clergy». The materials of Perm State Archive of Socio-Political History show that the idea of organizing such a structure led to the fabrication of a collective case by Perm and Sverdlovsk investigators. This case was about a «counter-revolutionary terrorist insurgent organization» of allied significance. The attempt of believers to defend the rights of «freedom of conscience and religion» declared by the Constitution was perceived by the authorities as a manifestation of «political unreliability».

Keywords: church, anti-religious persecution, «Society of working clergy», «Orthodox brotherhoods».

На территории СССР возник феномен церковного «подполья». Одним из его проявлений была деятельность петербургских «православных братств». Более поздним «отголоском» петербургской истории стало пермское дело 1937 г. о так называемом «Обществе трудового духовенства». Материалы ПермГАСПИ свидетельствуют: едва зародившийся замысел об организации подобной структуры в Перми послужил поводом для фабрикации пермскими и свердловскими следователями коллективного дела о мнимой «контрреволюционной террористической повстанческой организации» союзного значения. Попытка верующих отстоять декларируемые Конституцией права «свободы совести и вероисповедания» воспринималась властями как проявление «политической неблагонадежности».

I

В 2019 г. исполнилось ровно семьдесят лет с момента проведения первой масштабной внутриведомственной проверки НКВД в Перми и в Свердловске по «горячим следам» деяний «передовиков большого террора», имевшей целью прояснить обстоятельства, при которых в 1937 г. на Урале производились исчисляемые сотнями аресты советских граждан. Благодаря снятию «грифа» секретности, сегодня есть возможность поделиться результатами проведенного исследования, отдать долг памяти и нашим соотечественникам, и братьям по вере – православным канонического подчинения, на целые десятилетия лишенным человеческого участия и особого поминовения в Церкви.

В 1939 г. поводом для проведения проверки послужило то, что среди обвиненных ранее в политических преступлениях оказалось значительное количество военнослужащих разного ранга: от рядовых – до представителей командного состава РККА¹ и ОСОАВИАХИМА². Несправедливость приговоров в отношении пермских священников и верующих в ходе внутренней проверки НКВД 1939 г. не составила самостоятельного направления, но уже тогда выяснилось, что «драматургическая основа» большого пермско-свердловского дела охватывала не только советских руководителей, но и множество представителей Церкви. Для того, чтобы правда об этой трагедии открылась до конца, потребовалось полвека.

Прежде чем перейти к сюжетной фабуле дела «Общества трудового духовенства» следует дать общую характеристику церковно-государственным отношениям в советской России с момента революции до 1937 г., ситуации в Церкви и раскольным течениям, с которыми мы встретимся при рассмотрении этого дела, а также сказать об особенностях общественно-политической ситуации 1937 г.

Чем определялось отношение Русской Православной Церкви к советской власти и претерпело ли оно с момента революции существенное изменение? Какое направление в развитии церковно-государственных отношений было задано Патриархом Тихоном и митрополитом Сергием (Страгородским)?

Октябрьская революция 1917 г. и Гражданская война нанесли страшный удар по Церкви. С момента Февральской революции, по воспоминаниям одного из самых авторитетных иерархов Русской Православной Церкви митрополита Вениамина (Федченкова), Церковь (а точнее ее большинство, представленное на Поместном Соборе 1917 г.) старалась занимать позицию «над схваткой»: «Большинство членов Собора были благоразумны, осторожны и даже пассивно-лояльны к тому, что делалось вокруг нас: государству имеет свои задачи, а Церковь – свои. <...> И мы спокойно, совершенно спокойно продолжали свои занятия на Соборе. На чьей стороне был я и вообще мы, члены Собора? Разумеется, юнкера³ были нам более своими по духу. Не были мы и против народа <...>, и мы заняли позицию посередине, и, пожалуй, это было верно исторически: Церковь тогда стала на линию нейтральности...»⁴.

Отдельно надо отметить позицию Святейшего Правительствующего Синода. 9 марта 1917 г. Синод обратился к всероссийской пастве с посланием, где говорилось: «Совершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ее новом пути»⁵. Причиной такой позиции были накопившиеся проблемы во внутренней жизни Церкви в синодальный период и отложенность назревшего вопроса о Поместном Соборе.

Последний русский император – Николай Александрович, дав принципиальное согласие на созыв Поместного Собора Православной Российской Церкви в 1905 г., по представлению докладной записки председателя Комитета министров С.Ю. Витте и ходатайству Синода⁶, в 1907 г. наложил на решения первого предсоборного органа⁷ резолюцию о «неблаговременности» его проведения. Ситуация повторилась и в 1913 г.⁸ Царь находился тогда под влиянием общей установки премьер-министра П.А. Столыпина: «Сначала успокоение, потом – реформы»; сказались и влияние консервативной позиции обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева. Так или иначе до начала второй русской революции стабилизирующие возможности реформы для предотвращения кризиса в области церковно-государственных отношений использованы не были. Это и послужило причиной того, что архиереи – члены Синода – на последнем его заседании при «старом режиме» 26 февраля (2 марта) 1917 г. отказались обратиться с воззванием к народу о поддержке монархии.

Временное правительство, провозгласив демократические свободы (слова, печати, собраний), дало Церкви разрешение на проведение Поместного Собора. Однако последующие события обнаружили, что со сменой политической власти в стране Православная Церковь лишилась традиционной защиты со стороны государства, в котором она пользовалась преимущественными правами. Курс на секуляризацию Церкви от государства обозначило уже Временное правительство. 20 июня 1917 г. вышел указ о национализации всех общеобразовательных школ (в том числе 37 тысяч церковно-приходских учебных заведений).

С октября 1917 г., то есть с момента прихода к власти партии большевиков и создания фактически однопартийной политической системы⁹, ситуация для Церкви усугубилась. На первых порах РСДРП(б) представляла себя едва ли ни «самой демократической

партией», провозгласив широкий спектр свобод (в том числе свободы совести и вероисповедания). Однако идеологические основания большевизма – так называемый «научный атеизм» и теория «классовой борьбы» (в предельном воплощении – братоубийства) – вступали в диссонанс с верой в Бога и непреложными нравственными заповедями Евангелия. В сознании идеологов большевизма христианство и Церковь были «фундаментом старой государственной системы», которая (в чем большевики были убеждены) должна быть «уничтожена до основания». Действительно, для христиан немаловажное значение имеет заповедь послушания власти и молитвы за власть предрежащих. Значительная часть населения России была воспитана с сознанием того, что законопослушие и уважение к власти – это норма христианского поведения. Вот почему Церковь воспринималась Лениным и его окружением как сила, не разделяющая курса большевиков на «разрушение старого мира».

Первые эксцессы насилия по отношению к Православной Церкви, ее служителям и чадам относятся по времени к осени 1917 г. – началу 1918 г. «Первомучениками» Русской Православной Церкви стали петроградские священники – Иоанн Кочуров и Петр Скипетров. Первый был убит «распропагандированными» солдатами и матросами во время молебна о прекращении междоусобной брани 31 октября 1917 г.; второй – 2 февраля 1918 г. при повторной попытке захвата большевиками Александро-Невской Лавры¹⁰, когда он попытался обратиться к вооруженным штурмовикам со словами увещания. 25 января (7 февраля) в Киеве был жестоко убит митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), а в отдельных районах России зимой 1917–1918 гг. явочным порядком совершались убийства офицеров и гражданских лиц.

Между тем новая власть приступила к формированию своих боевых частей. С 24 ноября 1917 г. обрели полномочия революционные трибуналы. В декабре 1917 г. был подписан указ о создании ЧК во главе с Ф.Э. Дзержинским, и с января 1917 г. началось формирование ее структуры. 21 февраля 1918 г. вышел в свет Декрет СНК «Социалистическое отечество в опасности», а 13 июня была восстановлена отмененная ранее смертная казнь. С этого момента расстрел мог применяться по приговорам революционных трибуналов.

Церковь лишалась привычных полномочий и прав. 18 декабря 1918 г. был издан декрет о гражданском браке и метрикации. 23 ян-

варя 1918 г. – декрет СНК «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», фактически означавший то, что Церковь потеряла юридическую поддержку и защиту со стороны государства.

Официально большевики объявили о начале «красного террора» в сентябре 1918 г. как будто в ответ на убийство эсерами главы петроградской ЧК М.Урицкого и на покушение «эсерки» Ф. Каплан на Ленина. Фактически же массовым «красный террор» стал уже в летние месяцы 1918 г.

Широту полномочий ЧК определяла директива Дзержинского, посланная в сентябре 1918 г. во все губернские ЧК: «В своей деятельности ВЧК совершенно самостоятельна, производя обыски, аресты, расстрелы, давая после отчет Совнаркому и ВЦИК» (Еженедельник ВЧК. № 2. С. 11).

Суть «красного террора» определил известный чекист М.Я. Лацис: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который мы должны ему предложить, – к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом – смысл и сущность красного террора» (Лацис М.Я. 01.01.1918 г. «Красный террор», Казань).

На этом фоне 19 января (2 февраля) 1918 г. Тихон, Патриарх Московский и Всея Руси, произнес анафему в отношении открытых врагов Церкви:

«Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это дело поистине сатанинское. <...> Властью, данной нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым (*то есть к причастию – прим. авт.*), анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной. Заклинаем и всех вас, православных чад Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение... Зовем вас, верующих и верных чад Церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери нашей. <...> А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, на эти страдания вместе с собою...»¹¹.

Что же означала анафема? Это не проклятие в языческом смысле, это констатация того, что человек, избравший путь насилия, сам добровольно разрывает связь с Матерью-Церковью, и Церковь оставляет его на Суд Божий, по крайней мере, до принесения им покаяния.

Итак, к лету 1918 г. первые акты насилия сменила политика насилия. Хотя первая советская Конституция, утвержденная 10 июля 1918 г. V съездом Советов и включавшая «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», провозглашала свободы слова, печати, собраний, митингов и шествий и подтвердила свободы совести и вероисповедания, на практике это означало следующее: в поддержку новой власти и в соответствии с ее идеологическим базисом. При этом избирательного права лишались представители всех так называемых бывших «эксплуататорских классов» (священники, офицеры, агенты полиции); они оказались вне правового поля. Фактически же круг людей, бесправных в политическом отношении, был куда шире (к нему относились и промышленники, и высшие государственные чиновники, и дворянство).

Немало «бывших» попало в годы Гражданской войны под маховик «красного террора». От рук большевиков в годы Гражданской войны пострадали десятки архиереев, сотни священников и миллионы верующих мирян – членов Русской Православной Церкви. Вот только несколько примеров: архиепископ Воронежский Тихон повешен на царских воротах, архиепископ Астраханский Митрофан сброшен со стены, архиепископ Нижегородский Иоаким повешен вниз головой в сева­стопольском соборе, викарный епископ Исидор (Колоколов) в Самаре посажен на кол¹². Среди пострадавших были и архиепископ Пермский и Кунгурский Андроник (Никольский) и викарный епископ Соликамский – Феофан (Ильменский).

Патриарх Тихон как канонический глава Церкви не остался безучастным и к убийству царской семьи. После злодеяния в Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 г., Патриарх произнес на Литургии в московском Казанском соборе краткое слово: «На днях совершилось ужасное дело: расстрелян бывший Государь Николай Александрович по постановлению Уральского областного совета рабочих и солдатских депутатов, и высшее наше правительство – исполнительный комитет – одобрил это и признал законным... Но наша христианская совесть, руководствуясь словом Божиим, не

может согласиться с этим. Мы должны, повинувшись учению слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его»¹³.

В обращении к Совнаркому по случаю годовщины октябрьского переворота Патриарх открыто обличал мотивы и социальные последствия политики большевистского правительства: «Реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает Нас сказать вам горькое слово правды... Великая наша Родина завоевана, умалена, расчленена, и в уплату наложенной на нее дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото...Отечество вы подменили бездушным интернационалом... Отказавшись защищать Родину от внешних врагов, вы, однако, непрерывно набираете войска. Против кого вы их ведете? ... Вы разделили весь народ на враждующие между собою станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и вместо мира искусственно разожгли классовую вражду...Сначала под именем «буржуев» грабили людей состоятельных, потом под именем «кулаков» стали уже грабить и более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая таким образом нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется сама страна...Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть, заглушили в нем сознание греха; но какими бы названиями ни прикрывались злодеяния – убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к Небу об отмщении грехами и преступлениями»¹⁴.

Таким образом, отношение Патриарха Тихона к новой власти в период революции и Гражданской войны определялось именно образом действий большевистской партии. Тем не менее, насколько было возможно, он старался избегать усугубления гражданского конфликта. В этом отношении исключительно важно свидетельство одного из участников «Белого» движения – князя Григория Трубецкого – о том, что произошло, когда он, покидая Москву перед отъездом на юг в добровольческую армию, пошел к Патриарху проститься. Он жил тогда еще на Троицком подворье. И вот, что пишет Трубецкой: «Я просил разрешения Святейшего Патриарха передать

от его имени, разумеется, в полной тайне, благословение одному из таких лиц, но Патриарх в самой деликатной и в то же время твердой форме сказал мне, что не считает возможным это сделать, ибо, оставаясь в России, он хочет не только наружно, но и по существу избежать упрека в каком-либо вмешательстве Церкви в политику. Эту черту надо помнить, чтобы понимать некоторые руководящие правила, которым Патриарх никогда не изменял. Он, конечно, не питал иллюзий относительно советской власти. С самого начала ему ясно было, что это власть безбожная, антихристовая. Когда некоторые горячие головы предлагали однажды во время Собора проект Пастырского послания, содержащего в себе резкую характеристику большевиков, то он, со своей не оставлявшей сомнения смиренной простотой, сказал: «Я не за себя боюсь. Поверьте, я готов и рад буду потерпеть, когда нужно. Но я отвечаю за других, и поэтому не нужно никаких вызовов»¹⁵.

Большевистская власть, напротив, не «обременяла» себя обязанностью сохранять корректность по отношению к Церкви. В 1919 г. новым испытанием для Церкви стала инициированная 14 февраля (НКЮ) кампания по вскрытию святых мощей, сопровождавшаяся конфликтами до кровопролитий (в 1920 г. – об их уничтожении). До осени 1920 г. было организовано 63 вскрытия. (20 марта Патриарх направил Ленину протест против осквернения мощей). И, наконец, 20 декабря 1921 г. на фоне голода 1921 г. был издан декрет об изъятии музейных, а 23 февраля 1922 г. – об изъятии церковных ценностей.

Между тем Патриарх Тихон не только не отказывался от помощи голодающему народу, но и прямо свидетельствовал об этом делами. В августе 1921 г. им был организован Всероссийский церковный комитет помощи голодающим. Он обратился к православным и к народам стран мира с воззванием: «Помогите! Помогите стране, помогавшей всегда другим. Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода! ... На помощь, не медля, на широкую щедрую помощь!»¹⁶

Советское правительство пыталось препятствовать деятельности Всероссийского церковного комитета (не потерпело оно и первого «Помгола», созданного на основе блока представителей оппозиционных политических партий). Только к концу 1920 г. Патриарший комитет помощи голодающим был легализован, и Церкви

удалось собрать около девяти миллионов рублей, продукты и золотые изделия. На призыв Патриарха откликнулась Американская организация помощи (АРА), выделившая 25 тысяч вагонов с продовольствием, в Поволжье развернули свою деятельность немецкие и шведские представители «Красного креста». Однако большевики воспользовались ситуацией для того, чтобы нанести по Церкви очередной удар.

В середине марта 1922 г. в Шуе прошли демонстрации и протестные акции верующих, вызванные бесцеремонностью «реквизиторов». Их участники были расстреляны. В эти дни Ленин диктовал секретную директиву для членов политбюро: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. <...> Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»¹⁷.

Как же отнесся Патриарх к правительственному декрету от 23 февраля 1922 г.? 28 февраля он благословил жертвовать на помощь голодающим церковные предметы, не освященные и не имеющие богослужебного значения, напомнив о канонах Церкви, согласно которым подобные вещи караются как святотатство: миряне подлежат отлучению, священники извергаются из сана. Тогда верующие по призыву Патриарха встали на защиту святынь. Весной 1922 г. произошли столкновения с вооруженными частями Красной армии и ЧК (по некоторым данным – до 1414). По официальным данным властями было «изъято ценностей» на 4 650 810 руб. А в начале 1922 г. в советской России были инициированы массовые процессы над духовенством; проведено 55 трибуналов, привлечено 723 человека. 26 апреля начался процесс в Москве по обвинению группы священников и мирян, в ходе которого 11 человек приговорили к расстрелу, пятерых – расстреляли.

Одновременно большевистское правительство приложило усилия для того, чтобы спровоцировать первый крупный церковный раскол¹⁸, и это ему удалось. Воспользовавшись появлением в лоне

Церкви модернистского (ревизионного по духу) течения, идеологом которого был священник Александр Введенский и которое оформилось как «обновленческое движение» (или «Живая Церковь»), правительством началось «вербовку» его представителей.

Подготовка – фактически «вербовка» – «живоцерковников» проводилась весной 1922 г. Движение было поставлено под контроль руководителей 6-го отделения секретного отдела ГПУ А.Ф. Рутковского (до мая 1922 г.) и Е.А. Тучкова.

Для ослабления канонической части Церкви в ночь с 22 на 23 марта 1922 г. власти арестовали близких к Патриарху Тихону людей, в том числе Петроградского митрополита Вениамина (Казанского). Владыка Вениамин – один из самых авторитетных и любимых паствой иерархов Русской Православной Церкви – будет расстрелян, несмотря на все усилия защиты, 31 июля (13 августа) 1922 г.

А 9 мая 1922 г. Предстоятелю Церкви было объявлено о привлечении его к ответственности по решению Верховного трибунала в контексте инициированного ГПУ дела московских священников, о помиловании которых он пытался ходатайствовать перед ВЦИК. Он был лишен свободы не в качестве обвиняемого, а в качестве «свидетеля», на ответственности которого лежала судьба обвиняемых. Письмо Патриарха Тихона так и не попало по назначению, а оказалось в ГПУ и было приобщено к делу. А «ходатаями» за осужденных, согласно сценарию Е. Тучкова, выступили представители «прогрессивного духовенства» («обновленцы»). Таким образом, в свете информационной кампании, сопровождавшей церковный «переворот», готовность властей помиловать часть священников выглядела как «здоровая открытость компромиссу» с теми, кто «готов идти в русле новой политики», а отнюдь не как удовлетворение просьбы Патриарха. Расстрельный приговор был оставлен в силе в отношении половины осужденных. Патриарх будет находиться под стражей до июня 1923 г. Больше месяца он проведет во внутренней тюрьме на Лубянке, потом – под домашним арестом в Донском монастыре.

Между тем лидеры «обновленцев» во главе с протоиереем Александром Введенским (будущим обновленческим «митрополитом») принудили Патриарха Тихона отойти от управления церковными делами, выдав передачу им синодальной канцелярии до прибытия Ярославского митрополита Агафангела или митрополита

Вениамина, уполномоченных Патриархом Тихоном вести церковные дела до созыва нового Поместного Собора, за акт отказа в их пользу от канонической церковной власти. Церковь же при отсутствии достоверной информации о том, что происходит на самом деле, должна была решать проблему канонического подчинения. Следствием этого сознательного обмана стало то, что к июлю 1922 г. главный орган «обновленцев» – Высшее Церковное Управление (ВЦУ) признали 37 архиереев из 73.

Результаты первой фазы отношений Церкви и нового правительства были неутешительными: физическое уничтожение множества архипастырей и пастырей Церкви, разрушение и ограбление храмов, осквернение святынь, поддержанный властью церковный раскол и подготовка ГПУ суда над Патриархом Тихоном.

Большевики планировали провести суд 12 апреля 1923 г., на Светлой седмице. Патриарху предъявляли обвинения в том, что он «издал ряд постановлений контрреволюционного характера», будто бы содержащих призыв к свержению советской власти, и возбуждал массы к сопротивлению законным постановлениям правительства. В действительности обращения Патриарха были основаны на канонах Церкви, и нельзя забывать о том, что благословения участникам «Белого» движения он не дал. По сути он благословил лишь создание временных органов церковного управления для той части паствы, которая оказалась «по ту сторону фронта» в годы Гражданской войны.

26 июня 1923 г. было опубликовано неожиданное скупое известие об освобождении Патриарха. Относительно причин такого поворота событий есть различные предположения. Прежде всего, весной 1923 г. Ленин – главный вдохновитель антицерковной кампании – был парализован, потерял дар речи и в последующее время фактически полностью утратил контроль над развитием дела. Другой главный организатор изъятия церковных ценностей – Троцкий, активно поддерживавший обновленцев, был оттеснен от власти Зиновьевым, Каменевым и Сталиным.

Значительную роль сыграло международное общественное мнение. О гонениях на Церковь в советской России стало широко известно, и Великобритания включила соответствующий пункт в «Ноту Керзона». В документе была обозначена возможность полного разрыва сношений с Советским Союзом. Одним из важ-

ных требований (п. 21 и 22 меморандума) явилось прекращение репрессий против Церкви и духовенства. Нельзя сказать, что именно – «Нота Керзона» или письмо Дзержинского, осуждающее Троцкого, – имело решающее значение для прекращения дела Патриарха Тихона, однако постановление об освобождении Патриарха было принято в обход председателя антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) – Емельяна Ярославского, который являлся ставленником Троцкого. 25 июня Патриарх смог вернуться к исполнению своих обязанностей.

Итак, Патриарх Тихон задал направление для канонической структуры Русской Православной Церкви: насколько это возможно для христианской совести, стараться избегать конфликтов с новой властью.

В том же ключе была выдержана и «Декларация» 1927 г. митрополита Сергия (Страгородского) – заместителя местоблюстителя Патриаршего престола¹⁹. Признание существующей власти авторами «Декларации» не означало солидарности с ней в отношении идеологии и политической практики – того, что невозможно было ни принять, ни разделить; это была лишь констатация необходимости подчинения существующей государственной форме с пониманием того, что характер этого правления является «попущением Божиим». Временный Синод отстаивал возможность дальнейшего существования Православной Церкви в стесненных условиях «социалистической законности».

«Декларация» митрополита Сергия по сей день провоцирует споры. Одни видят в ней выражение «патриотического импульса» (прот. Владислав Цыпин), другие, напротив, критикуют документ за слова «благодарности» в адрес советского правительства, диссонировавшие с явными преступлениями большевиков времен Гражданской войны и агрессивного-атеистического курсом ленинской партии.

Можно констатировать лишь то, что этот акт, демонстрирующий миролюбие Церкви, не смог защитить Ее от репрессивной политики государства. В начале 30-х гг. Православная Церковь вновь попала под удар в связи с курсом «на сплошную коллективизацию», объявленным Сталиным в 1929 г., что и послужило основанием для массового закрытия церквей, арестов и административной высылки духовенства по всему Советскому Союзу. Расстрелов было

не так много, как в последующем, сроки ссылки варьировались от двух до пяти лет. Основанием для обвинений в адрес представителей духовенства служило то, что священники «задерживают верующих в храмах на богослужении», «агитируют против работы в церковные праздники» и «против вступления в колхозы» ...

К середине 1930-х гг. Русская Православная Церковь оказалась в значительной мере «обескровленной». Тем не менее «Декларация» создала основу для нормализации церковно-государственных отношений в годы Великой Отечественной войны.

II

В 20–30-е гг. власть продолжала сознательно поддерживать раскольные течения в лоне Православной Церкви.

Что касается обновленчества, воспринятого современниками, сохранившими верность Патриарху Тихону, как «поповская стачка»²⁰, оно зародилось еще в 1905 г. как интеллектуальное движение за возвращение к традициям и нормам раннехристианской Церкви под руководством профессоров духовных школ – Титлинова, Попова и Рубцова и заявило о себе на Поместном Соборе 1917 г., главным образом, противодействием его адептов избранию Патриарха²¹.

Окончательно же оформилось это течение к 1922 г.²² Основные требования лидеров этого направления в популярной его версии были связаны с изменением церковных канонов в отношении правил поставления епископата и священства (допущения разводов и второбрачия для духовенства). Идеологическим «обрамлением» отложения от Патриарха Тихона, взятого властями под арест, служило соединение «свободы канонического и литургического творчества» с идеалами «социальной справедливости». Практическим выражением позиции оказалась подчеркнутая лояльность «обновленцев» по отношению к большевистской власти вплоть до использования ими марксистской лексики в программных документах²³, а ее пределом – заявление о «низложении и лишении сана и монашества» Патриарха Тихона как «отступника и предателя» и о возвращении его «в первобытное мирское положение» в мае 1923 г.

Выход «Декларации» митрополита Сергия (1927 г.) лишил «обновленчество» того «стержня», который и обеспечивал ему

сторонников из числа тех, кто искали возможность, оставаясь христианами, жить в изменившихся социальных условиях.

В конце 20-х гг. представители «обновленческих» течений, ощущавшие утрату позиций, начали искать «объединения» со «староцерковниками» («тихоновцами» и «сергианами»). Однако позиция Временного Патриаршего Синода выражалась в том, что объединение по принципу политических партий невозможно, возможно только присоединение через покаяние к Церкви канонической добровольно разорвавших с Ней связь раскольников. Для наиболее заметных представителей Церкви оно могло быть лишь публичным.

Поиски путей восстановления общения со «староцерковниками» со стороны «обновленцев» не привели к ожидаемым результатам. Диссидентское течение, выполнившее в 20–30-е гг. функцию своеобразного «тарана», обращенного властями против «правого» «старорежимного крыла» Церкви, ослабленное и дискредитировавшее себя, не избежало в период сталинского «большого террора» общей для верующих судьбы; его представители попали под «маховик» репрессий. После окончания Великой Отечественной войны, в период относительного «потепления» церковно-государственных отношений, «обновленчество», лишенное «протекции» НКВД, фактически прекратило свое существование.

Еще одно раскольное течение, упоминаемое в контексте пермско-свердловского дела 1937 г., – это григорианский раскол. Движение, существовавшее в Русской Православной Церкви с декабря 1925 г. до начала 40-х гг., также было подготовлено ОГПУ в целях ослабления Церкви и пользовалось на начальном этапе своей деятельности его поддержкой. Оно получило название по имени своего первого главы – архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского). В общей сложности в григорианском расколе насчитывалось не менее 55 архиереев, из них половина – канонического поставления.

Раскол был инициирован группой из девяти иерархов, собравшихся 22 декабря 1925 г. в Донском монастыре. Эта группа архиереев была организована при участии ГПУ и Евгения Тучкова за несколько дней до ареста патриаршего местоблюстителя – митрополита Петра (Полянского).

«Григориане», заявив, что вследствие «ошибок патриарха Тихона», вмешательства «обновленцев» и «единоличного правления

митрополита Петра (Полянского)» якобы «попраны права соборности», создали для руководства церковью коллегиальный орган – Временный высший церковный совет (ВВЦС). 2 января 1926 г. ВВЦС при содействии ГПУ получил гражданскую регистрацию как «законный орган управления Церковью».

После запрещения в священнослужении, наложенного заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским), а затем и самим Владыкой Петром (Полянским), архиепископ Григорий и его сторонники образовали самостоятельное в полном смысле раскольное течение (в поддержку ВВЦС). Большинство находившихся на свободе православных архиереев осудили григорианский раскол и полностью согласились с каноническими мерами против его организаторов.

К 1930 г. в григорианском расколе насчитывалось 30 архиереев, из них 15 старого поставления, 13 – григорьевского поставления. В 30-е гг. ряд архиереев – участников раскола – принесли покаяние.

В середине 30-х гг. большинство «григорьевских» храмов было закрыто, а духовенство репрессировано. После этого григорианский раскол как иерархическая организация прекратил существование, сохранилось лишь незначительное количество приходов. В 40-е гг. принесли покаяние последние из оставшихся в живых «григорьевских» архиереев.

III

На фоне сложных церковно-государственных отношений периода 20–30-х гг. в советской России складывается феномен «церковного подполья»²⁴. Мотивы участников этого движения определялись стесненными условиями, в которых находилась каноническая Православная Церковь: стремление жить литургической и общинной жизнью, а в некоторых случаях – сохранить монашеские обеты, поскольку вера в СССР оказалась фактически «под запретом». В период с 1925 по 1940 г. в стране действовал «Союз Воинствующих безбожников» – общественная организация во главе со ставленником Троцкого Емельяном Ярославским, ставившая перед собой цель поэтапного уничтожения религии и Церкви в СССР по образцу «пятилеток» в экономике. Верующие повсеместно подвергались преследованиям, само посещение храмов было небезопасным.

Церковное «подполье» было явлением неоднозначным. Оно охватывало архиереев канонического поставления и представителей оппозиционных течений, монашеские общины и общины мирян; на его периферии, к сожалению, появлялись и секты.

В русле канонического «церковного подполья» действовали так называемые петроградские «православные братства». Сведений о них сохранилось немного. Братства занимались благотворительной, миссионерской и образовательной деятельностью. Их создание было связано с постановлением Поместного Собора 1917–1918 гг. оградить Церковь «от расхищения церковного достояния, возвращения уже отобранного, и для защиты гонимых ... преданных Церкви людей».

Некоторые аспекты деятельности «православных братств» нашли отражение в романе И. Головкиной (Римской-Корсаковой) «Лебединая песнь» («Побежденные») в сюжетной линии героя второго плана – Мики. Это были христианские общины, существовавшие под видом коммунальных квартир. Днем члены этих общин учились и трудились наравне со всеми, а вечерами читали Евангелие, святоотеческую литературу, исповедовались, готовились к принятию церковных таинств, которые совершались периодически в таких квартирах. В период репрессий участники «братств» собирали средства и организовывали «передачи» для тех, кого отправляли в ссылки и лагеря, поддерживали семьи репрессированных священнослужителей и мирян. Выявить верующих в этом случае было гораздо труднее, братства были раскрыты ОГПУ-НКВД только частично.

Неудивительно, что «православные братства» оказались объектом «пристального внимания» ОГПУ-НКВД. Их разгром, по замыслу властей, должен был укрепить позиции обновленцев. Следствие объявило православные братства «контрреволюционной мануиловской организацией», поскольку именно епископ Мануил (Лемешевский), управлявший в тот момент епархией, провел успешную борьбу с «обновленцами».

Одним из известных священников, арестовывавшихся в том числе по делу «о братствах», был, например, отец Владимир Лозина-Лозинский – союзник по Соловецкому лагерю особого назначения будущего священномученика – епископа Илариона (Гроицкого). Отец Владимир стал прототипом героя повести Даниила Андреева «Соловецкие острова» – отца Николая. Человек академической среды

и академической культуры, отмеченный тонким поэтическим даром, он принял священный сан после известия о расправе ЧК над его соседом – духовником царской семьи. В повести Д. Андреева этот священник с присущей ему улыбчивой легкостью, спокойным обращением с людьми, вежливостью и благородством являет живой пример торжества духа над «полным страха строем» Соловецкого лагеря особого назначения.

Примерно к июню 1936 г. «импульс», заданный петербургскими «православными братствами», по-видимому, дошел до Перми и нашел воплощение в замысле небольшой группы верующих молодых людей создать организацию, подобную петроградским православным «братствам».

IV

О рубеже 1936–1937 гг. стоит сказать особо. 12 июня 1936 г. в газете «Известия» был опубликован текст новой сталинской «Конституции» (всего их было три: 1918, 1924 и 1936 гг.)²⁵. Согласно этому документу, часть людей, имевших прежде поражение в правах, получали право участвовать в выборах в советские органы власти. И тогда началось обсуждение проекта новой Конституции на приходах и в общинах. Людей волновал вопрос: участвовать или не участвовать в выборах? Часть обвиненных по пермскому делу священников (например, отец Михаил Коровин) пострадала как раз за совет пастве – воспользоваться открывшимися легальными возможностями, то есть непременно идти на выборы и продвигать в органы власти людей, не враждебных Церкви, а может быть, и способных защищать ее интересы. Это-то и было расценено следствием как «антисоветская агитация».

На декабрь 1937 г. в стране были назначены выборы в Верховный Совет СССР, а в первых числах января 1937 г. в СССР была проведена всесоюзная перепись населения. В переписные бланки была включена и статья об отношении к религии, а для верующих – статья «вероисповедание». Соответствующие пункты были внесены в анкетную форму лично Сталиным, который редактировал окончательный вариант переписного листа.

Перепись выявила значительные потери населения (только в период голода 1932–1933 гг. в СССР погибло от голода несколько миллионов человек²⁶). Кроме того, более половины граждан указали, что являются верующими (в возрасте 16 лет и старше верующих

оказалось больше, чем неверующих: 55,3 миллиона против 42,2, или 56,7 против 43,3 % от всех выразивших свое отношение к религии населения СССР) ... Это внушило руководству опасения, что декабрьские выборы 1937 г. могут быть провалены из-за высокого влияния духовенства.

Данные январской переписи 1937 г. были объявлены «вредительскими» и засекречены, а на 1939 г. была назначена новая перепись населения, причем из переписного листа в этот раз был исключен пункт о вероисповедании.

Ряд современных исследователей²⁷ не без оснований считают, что это и было одной из существенных причин «большого террора». Во всяком случае, в нашем деле (и в других подобных) основанием для продления сроков следствия, а значит, и увеличения числа арестованных служила формулировка: «ввиду предстоящих выборов в Верховный Совет».

Таков был исторический фон, на котором в 1937 г. разыгрывались драматичные события в Перми и в Свердловске.

V

Что касается исследования данной темы, следует отметить, что до настоящего времени дело «Общества трудового духовенства» не получило должного освещения в отечественной историографии. Ему посвящена лишь одна статья – пермского исследователя А.И. Казанкова²⁸, опубликованная в сборнике «Включен в операцию». В ней в общих чертах воссоздана сюжетная фабула следственного процесса 1937 г., но, к сожалению, ее автор, не представляя в достаточной мере специфики церковной истории XX в., допустил погрешности в интерпретации фактов, и порой работа оставляет впечатление, будто он в немалой мере доверяет следствию НКВД. Во всяком случае официальная версия пермских и свердловских оперативников об «активном взаимодействии» в Перми и в областном центре представителей слишком разных церковных течений не была подвергнута критическому анализу, а сомнительные и компрометирующие характеристики на подследственных из материалов сфальсифицированного дела 1937 г. были положены в основу авторской характеристики нескольких обвиняемых... Между тем достаточное количество и разнообразие

документов при использовании методов филологического и сравнительного анализа позволяет выявить в материалах дела очевидные и многочисленные следы фальсификаций.

В целом же тема «большого террора» довольно успешно разрабатывается российскими и зарубежными исследователями на протяжении последних тридцати лет, что существенно облегчает постановку исследовательских задач для данной работы благодаря разработанности проблемного поля в общероссийском масштабе и основных методологических подходов.

Среди наиболее значительных исследований заслуживают упоминания выдержавшая несколько переизданий работа Р. Конквеста²⁹, труды Р. Медведева³⁰, А. Антонова-Овсенко³¹, а также сборники «Трагедия советской деревни»³² и «Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД»³³. Серьезным вкладом в ее разработку явился и коллективный труд, выпущенный Российской политической энциклопедией³⁴. Взятый за основу критический метод помог его авторам опровергнуть представление о «стихийном», «слепом» характере сталинского «террора», исследовать политические цели его инициаторов и проследить динамику репрессий по месяцам, раскрыть способы легитимизации «террора» в общественном сознании, и, наконец, поставить задачу выявления фальсификаций в следственных документах, а обширный фактический материал позволил реконструировать применявшиеся карательными органами схемы построения коллективных дел.

В последние годы тема «террора» и репрессивной политики советского государства в разных ее аспектах – гражданском, культурном и церковно-историческом – нашла продолжение в сборниках материалов ежегодных международных научных конференций в Перми, организованных при участии Музея политических репрессий «Пермь-36»³⁵, и в монографии пермского исследователя Л.А. Обухова³⁶.

По мере развития темы в качестве самостоятельного выделилось и направление, связанное с церковно-государственными отношениями в советский период, репрессиями против Русской Православной Церкви и Ее существованием в условиях полулегальности. Введены в научный оборот сведения о наиболее крупных местах массовых расстрелов (таких как Бутовский полигон), составлены мартирологи и жизнеописания Новомучеников и Исповедников

российских, некоторым из них посвящены отдельные монографии и публицистические произведения.

Наиболее весомыми исследованиями в этом направлении являются: книги М.И. Одинцова³⁷, М.В. Шкаровского³⁸, В.А. Алексеева³⁹, А. Беглова⁴⁰; первый опыт систематизации истории Русской Православной Церкви в XX в. протоиерея Владислава Цыпина⁴¹, богато иллюстрированная энциклопедия, выпущенная издательством Сретенского монастыря⁴², а также многочисленные публикации, посвященные новомученикам, преподавателя Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, доктора церковной истории священника Александра Мазырина⁴³ и предварительные статистические оценки человеческих потерь, понесенных Православной Церковью в годы репрессий, – Н.Е. Емельянова⁴⁴.

С точки зрения общей характеристики процессов 1937–1938 гг. в Пермской епархии наиболее важной является получившая известность статья М.Г. Нечаева и С.В. Уткина⁴⁵. В ней рассматривается значение «большого террора» по отношению к Русской Православной Церкви в контексте репрессивной политики советского государства, этапы и технологическое «оформление» террора против верующих, представлен статистический анализ материалов архивно-следственных дел по этносоциальному и возрастному критериям, показано количественное соотношение репрессированных представителей разных внутрицерковных направлений: «староцерковников», «обновленцев», старообрядцев, «григорианцев». В статье приводится статистика по общему числу репрессированных духовных лиц (вне зависимости от исповедания) и активистов религиозных организаций.

Продолжением данного исследования стала статья, написанная мною в соавторстве с моей матерью – Н.Е. Дегтяревой⁴⁶ и посвященная обзору всего комплекса архивно-следственных дел священников, пострадавших в Пермской епархии в период «большого террора», из фондов ПермГАСПИ. В ней также был представлен статистический анализ этой группы дел по критерию принадлежности духовенства к основным течениям изучаемого периода и показано соотношение вынесенных в 1937 г. приговоров к высшей мере наказания и к 8–10 годам исправительно-трудовых лагерей в сравнении с периодом 20-х – начала 30-х гг. (Полученные нами данные несколько отличаются от тех, что представлены в исследовании М.Г. Нечаева и С.В. Уткина, и это оставляет простор для работы будущих исследователей.) В статье

была представлена подборка весьма показательных дел нескольких священников, фиксирующих исповедничество, и предпринята попытка разграничения подлинного содержания и фальсификаций в документах следствия 1937 г. на основе применения метода сравнительного анализа источников, в том числе – с апелляцией к свидетельствам более раннего времени из фондов ОГПУ – НКВД 1920-х – начала 30-х гг.

Свой посильный вклад в развитие темы репрессивной политики атеистического государства в отношении Русской Православной Церкви вносят и учащиеся Пермской духовной семинарии. В последние годы в ней создана историко-архивная группа, работающая с материалами ПермГАСПИ. Наиболее удачные статьи студентов, посвященные священнослужителям Пермской епархии, пострадавшим в годы репрессий, публикуются в основном периодическом издании духовной школы – «Научно-богословском вестнике Пермской духовной семинарии»⁴⁷, включенном в реестр официальных изданий Русской Православной Церкви, в сборниках международных и всероссийских научных конференций Санкт-Петербургской Духовной Академии (СПБДА), Екатеринбургской и Тобольской духовных семинарий, а также – в популярном изложении на официальном сайте Московской Патриархии «Православие. ру».

Хочется надеяться, что проведенное исследование, благодаря применению критического метода, методов «перекрестного допроса источников», лингвистического и графологического анализа поможет откорректировать некоторые поспешные и необоснованные оценки, о которых было сказано выше.

VI

«Общество трудового духовенства» – это название **не существовавшей** «подпольной организации» будто бы **«всесоюзного значения»**. Сейчас уже с большой долей вероятности можно говорить о том, что не только «организация», но само это название были чистым вымыслом. Основанием для этого служат показания организаторов процесса – следователей Пермского ГО НКВД, арестованных в 1939 г. за применение недозволенных методов в следственной работе.

В подтверждение этого я могу процитировать выдержку из протокола допроса бывшего оперуполномоченного Поносова от

17 февраля 1939 г.: «Начало в применении извращенных методов было положено б/нач. Особого отделения МОЗЖЕРИНЫМ в июле 1937 г. при ведении следствия по делу контрреволюционной организации, которой **было присвоено название «Общество трудового духовенства»** (здесь и далее выделение авт.). По этому делу было арестовано свыше 30 человек. В это время в Перми находился бывший начальник УНКВД ДМИТРИЕВ. Ознакомившись с ходом следствия, он взял с собой некоторые протоколы допросов обвиняемых и вернул их в переработанном виде аппаратам УНКВД с предложением подписать протоколы в таком виде обвиняемыми. Это указание было выполнено лично МОЗЖЕРИНЫМ. Из арестованных **создали организацию всесоюзного масштаба, присвоили ей название, о чем не говорили сами обвиняемые»**⁴⁸.

В материалах внутренней проверки НКВД 1939 г. есть несколько показаний такого рода: несколько подчиненных руководителя операции Мозжерина согласно свидетельствуют об одном. В данном случае применение метода перекрестного допроса источников позволяет убедиться в их достоверности.

Официально в период с марта по август 1937 г., в Перми было арестовано 37 человек. По окончании дела было вынесено 37 приговоров к высшей мере наказания. Однако материал внутренних проверок НКВД – КГБ 1939 и 1956 гг. указывает на то, что в контексте этого дела было арестовано **не менее 50 священнослужителей**, в том числе несколько архиереев канонического поставления и состоявших в расколах. Из представителей Московской Патриархии можно назвать митрополита Свердловского Петра (Савельева), архиепископа Пермского Глеба (Покровского), а из представителей раскольных течений – свердловского «обновленческого митрополита» Михаила Трубина и «григорьевского митрополита» Петра Холмогорцева.

Общее же число пострадавших назвать пока не представляется возможным, поскольку «в связке» с этим делом в 1937–1938 гг. было арестовано **множество людей** не только в Перми (Молотове), но и в Свердловске и в других городах Урала. Им предъявляли обвинение в содействии «Обществу трудового духовенства» и в связях с «Уральским повстанческим штабом» или «Религиозно-политическим центром». Среди них были офицеры РККА и «Осоавиахима», руководители партийных и советских структур,

родственники священнослужителей, представители интеллигенции, крестьяне («кулаки») и даже мусульмане из с. Кояново...

Следует сказать несколько слов о социальном составе обвиняемых. В первой партии из 37 человек 10 составляли «тылополченцы» из 9-го батальона РККА и 27 – пермские священники, диаконы и псаломщики, причем и Московской Патриархии и «обновленческой» структуры. Среди арестованных оказалась и одна женщина – супруга священника Михаила Коровина, матушка Мария.

Большинству *«тылополченцев»* в момент начала пристального наблюдения за ними было по 21–22 года, а в момент ареста – по 23–24. Трое были постарше, им было по 25–26 лет. Как я упоминала, это были в основном дети священников и причетники. У некоторых из них были дети, в анкетах содержатся и упоминания о других родственниках: «брат в ссылке как кулак», «мать на изживении», жена, сестра...

Анкеты арестованных **священнослужителей** свидетельствуют о том, что более половины из них (четырнадцать человек) были людьми **старше 50 лет** и еще шестеро – в возрасте около 40 лет. Самым старшим из них было по 67–69 лет.

В части анкет, заполненных в тюрьме, содержались пометки о принадлежности арестованного к канонической Православной Церкви или к «обновленцам», в других случаях об этом можно судить из контекста расследования, а в некоторых – лишь выдвигать предположения на этот счет, сопоставляя место служения, свидетельские показания и заявления родственников.

Что касается так называемых «компромагов» для этой группы, ими служили: отметки о судимости либо за нарушение паспортного режима, либо по ст. 58–10, 69 и 74 УК в начале 1930-х гг., в период «борьбы с противниками сплошной коллективизации», о кратковременной службе в царской армии и у «белых» и об уходе в Сибирь во время Гражданской войны. В некоторых случаях особо отмечалось: «лишен избирательных прав **как служитель религиозного культа**».

Однако в целом эта группа производила впечатление законопослушной. В личных документах встречались отметки о немедленной и о досрочной амнистии, об освобождении на законных основаниях после истечения срока заключения, и почти у всех – были справки о регистрации, дающие право на служение, выданные Пермским горсоветом.

Сразу хотела бы отметить: независимо от отношения к канонической церковной структуре, все участники дела оказались в **равном положении**. Это было обусловлено изменением стратегии государства: от провокации внутренних расколов – к уничтожению Церкви.

Если говорить о том, насколько отличалось поведение представителей канонической церковной структуры и «обновленцев» во время следствия, общего «алгоритма» нет. «Признательные показания» есть с той и с другой стороны и есть свидетельства о том, что протоколы фальсифицировались сразу.

В деле встречаются показания «обновленцев», написаны они от руки и с обилием индивидуализированных речевых оборотов, и это позволяет предположить, что они могли быть подлинными. Никаких конкретных сведений об антиправительственной деятельности «тихоновцев» и «сергиан» в текстах протоколов этой группы нет, но есть «наблюдения», напоминающие аналитические «сводки» тайных агентов и касаются они **«подлинного отношения»** представителей канонической церковной структуры к советской власти. К этой же группе относятся рассказы об участии в «религиозной пропаганде» нищих и странствующих монахов. Любопытно, что любые проявления активности в церковной среде, в том числе со стороны «обновленческих иерархов», в этих текстах приравниваются к **«антисоветской деятельности»** и оцениваются как якобы **«противоречащие Конституции»**. Заметно, что такого рода «признания» сделаны из самооправдания, то есть главным мотивом подследственных является страх.

Они не повлияли существенно на ход процесса, однако на основе такого рода «признаний» был арестован один из представителей канонической церковной структуры – диакон Михаил Баннов как «верный помощник правящего архиерея».

Исход дела тоже был предрешен заранее: арестованные «обновленцы» тройкой НКВД были приговорены к расстрелу, так же, как представители «тихоновско-сергиевского» направления.

Для начала процесса было использовано несколько поводов. В январе 1937 г., в Свердловске прошел процесс по делу подпольного «троцкистского центра», как будто имевшего связь с Москвой. Курировал этот процесс следователь Дмитриев. Участниками «троцкистско-зиновьевской» организации в Свердловске, по вер-

сии следствия, оказались люди, занимавшие высокие партийные и административные посты. Поскольку от главного обвиняемого – председателя Свердловского горисполкома В.Ф. Головина – удалось получить признательные показания (какими методами – это откроется позже), следователи были уверены в том, что Свердловск был местом, где находился **«подпольный антиправительственный повстанческий штаб»**, имевший «филиалы» в разных городах Урала. Этот штаб, по версии следствия, будто бы планировал создание боевых подразделений и организацию терактов в отношении высшего руководства страны.

Когда Пермь попала в список «подозреваемых» НКВД городов, в оборот были введены два довольно старых «сигнала», относящиеся к 1935–1936 гг.

Первый – это донесение сержанта Пермского ГО НКВД Аликина о том, что в **ноябре 1935 г.** в конторку жилстроительства завода им. Сталина зашли трое «тылополченцев», и один из них произнес воодушевленную речь, обличая ошибки политики в отношении крестьянства и нелегкие условия службы в РККА для верующих. В 1936 г. за группой «тылополченцев» из десяти человек было установлено наблюдение, показавшее, что они **«не изменили своего мнения по религиозному вопросу»**: читают Евангелие, соблюдают посты, отмечают церковные праздники, в части «устаивают коллективные читки молитв», поддерживают переписку с отцами-священниками, а во время увольнительных посещают пермские храмы.

С точки зрения целей следствия имело значение то, что «тылополченцы» поддерживали связи с пермским духовенством, а один из них – Георгий Гуляев – с гомельским архиепископом Досифеем (Степановым). До службы в РККА Георгий служил иподиаконом. Сам Владыка Досифей одно время состоял в обновленческом расколе, но после – вернулся в лоно канонической церковной структуры, порвав с «обновленцами». И возможно это и стало тем фактором, который поставил его самого и людей из его окружения под удар плотно патронировавшего церковные структуры НКВД.

А вторым «сигналом» оказался донос в НКВД некой гражданки Борисовой на соседа по квартире – часового мастера Нечаева, будто бы связанного с «монархическим контрреволюционным подпольем». Документ имел своеобразный адрес: **«В бюро парти-**

зан, в секретку» и оканчивался росчерком: «**В чем и подписуюсь, Борисова**». С фактической стороны достоверно было лишь указание на то, что супруги Нечаевы были верующими и благотворителями пермских храмов, поддерживали знакомство со священниками и епископами. Однако этот документ был использован в качестве «запроса снизу, от масс» для обоснования версии о действии в Перми будто бы укорененной со времен Гражданской войны подпольной антиправительственной сети.

Невозможность установить личность «заявительницы» и допросить ее по существу не воспрепятствовали тому, что 14 мая 58-летнего мастера Нечаева арестовали. За ним «тянулся след»: в 1924 г. он был арестован на короткий срок по **подозрению** в хранении валюты...

Весной 1937 г. «тылополченцев» подозревали в создании христианской общины по типу петроградских «Православных братств», называя в качестве инициаторов этой идеи – то Георгия Гуляева, то Николая Лебедева. Причем **само признание в религиозности** с первых шагов получило в материалах дела однозначную интерпретацию: оно приравнивалось к «**контрреволюционной деятельности**». Это нашло отражение в протоколах допроса. На вопрос о «**фактах к.р. деятельности**» следует «признание» в том, что основой для общения той группы послужили **религиозные взгляды**...

А затем решили повысить «градус» политической опасности этой общины и выдвинули обвинение в том, что по указанию пермских священников – Саввы Беклемышева и Михаила Коровина – эти молодые люди будто бы хотели воспользоваться новыми условиями по Конституции 1936 г. для проведения верующих в органы власти, что расценивалось как «**политическая акция**». В интерпретации следствия в преддверии выборов в Верховный совет СССР «тылополченцы» и священники будто бы планировали проведение широкой антисоветской агитации и «превознесение троцкистов», что само по себе является вещью весьма фантастической.

При этом никаких улик и «вещдоков» типа листовок, агентурных инструкций, писем политического характера в распоряжении следствия не было.

Настоящий размах это дело приобрело благодаря руководству свердловского следователя Дмитриева и ответному «творческому участию» пермского следователя Мозжерина. Дмитриев дал

пермскому ГО НКВД установку придать делу «шпионско-диверсионную окраску» в контексте подготовки к выборам в Верховный Совет СССР и вступлением в силу оперативного приказа № 00447 о «борьбе со всеми подозрительными».

Основанием для отработки официальной версии стало несколько фактов: знакомство Георгия Гуляева с Владыкой Досифеем, периодические посещения Перми обновленческим «митрополитом Свердловским» Михаилом Трубиным и один документ, который изъяли при аресте пермского священника Михаила Коровина, нерассудительно оценив его как «список завербованных в подпольную структуру». В действительности же это был список прихожан Заборской церкви, где служил о. Михаил, относящихся к тихоновскому направлению. В нем были указаны личные данные, фактические адреса прихожан и их родственников; при этом по большей части это были весьма немолодые люди. Самым старшим из них было по 80–85 лет.

Если архиепископа Досифея (Степанова) следствие представило в «амплуа резидента польской разведки», то обновленческого «митрополита» Михаила Трубина – в роли главы «антисоветского крестового фронта» на Урале, будто бы объединявшего вокруг себя целую группу архиереев **совершенно разного подчинения**. В этом ряду оказались двое – канонического поставления: митрополит Свердловский Петр (Савельев), архиепископ Пермский Глеб (Покровский) и «григорьевский митрополит» Петр Холмогров.

Итак, определяющими для хода процесса оказались общие установки в связи с выходом приказа № 00447. С методологической стороны это дело выстраивали по «пирамидальной схеме»: максимальное расширение связей обвиняемых и попытка свести предполагаемое «общее руководство организацией» на «конус», замкнув его на значительных фигурах – на епископате. Причем тексты нескольких протоколов допросов (в частности, отца Михаила и матушки Марии Коровиных) указывают на то, что «сверхзадачей» следствия было поставить в положение обвиняемых Владыку Сергия (Страгородского) и его ближайшее окружение. От арестованных пытались добиться признания о том, какие «установки о методах контрреволюционной работы они получили из управления Патриархией?»

Источники не позволяют сегодня претендовать на полную историческую реконструкцию неформальной стороны этого процесса.

Мы не можем судить, кого действительно вызывали на допросы, а за кого написали показания «от и до». Об этом можно говорить только в вероятностном ключе. Следствие сосредоточило основной удар на нескольких арестованных: «тылополченцах» Георгии Гуляеве, его друге Николае Лебедеве, архиепископе Досифее (Степанове) и священниках Савве Беклемышеве и Михаиле Коровине.

Возможно, отца Михаила Коровина и матушку Марию действительно допрашивали неоднократно. Поводами к тому было то, что матушка Мария ездила по делам в Москву и заходила в управление Патриархией для того, чтобы уточнить, к кому должны относиться пермские священники по вопросам епархиального управления? В деле содержится несколько протоколов допросов отца Михаила и матушки Марии и протоколы очных ставок. При этом ни одно из выдвинутых следствием обвинений не получило подтверждения с их стороны. В протоколах не содержится и показаний против кого-либо из арестованных.

Есть случаи «признаний» со стороны священников Московской Патриархии. Материалы внутренних проверок НКВД – КГБ указывают на то, что подписи были получены путем угроз.

Об одном случае можно сказать наверняка: «ключевые показания Якова Шаврина» от 12 августа 1937 г. о будто бы существовавшей «широкой подпольной антиправительственной сети» в Перми и по области с указанием десятков имен **были продиктованы лично** следователем Мозжериным опреуполномоченному Ветошкину перед отправкой обвиняемых в Свердловск для вынесения и исполнения приговора⁴⁹. Об этом Ветошкин поведает во время внутренней проверки НКВД 1939 г.

О судьбе «свидетелей» по делу ничего не известно. Но в материалах внутренних проверок НКВД – КГБ 1939 и 1956 гг. есть заключения по основным пунктам обвинения: ни одно из них не подтвердилось. Ни фактов «вредительства» на объектах, где работали «тылополченцы», ни «срывов сроков строительства», ни «политической агитации» на приходах, ни общения староцерковников» и «обновленцев» между собой, ни фактов «шпионажа» ... А процессуальных нарушений – великое множество.

При этом участники проверок обратили внимание на такую вещь, как «характер реагирования следствия» на «сигналы информаторов» и «признания» арестованных. Часть будто бы названных

«участников резидентской цепочки» не была установлена и не допрашивалась, так же, как и некоторые составители анонимных доносов двухлетней давности. То есть в ряде случаев такая задача даже не ставилась.

Подпись показаний под угрозами (о том, что такой «метод работы» широко практиковался, рассказал на допросе в 1939 г. бывший сержант НКВД Аликин⁵⁰) не могла смягчить приговор в отношении подследственного. Перед нами не просто дело, а «образец» в методологическом отношении, и за «успех» следователям были обещаны награды, поэтому обвиняемых важно было представить как «особо опасных государственных преступников». Если у партийных и советских руководителей, арестованных в Свердловске в «связке» с этим делом, шансы еще были, часть из них уцелеет и в 1939 г. даст очень важные показания о методах работы следователей в 1937 г., то у верующих – нет.

VII

Фактически «оправдание» осужденных состоялось в 1939 г. по результатам первой внутренней проверки НКВД. Официально – в 1956 г., однако без извещения о подлинных времени и причинах смерти.

С эмоциональной стороны это – самая тяжелая часть исследования. Кому-то из них разрешили краткое свидание с арестованными в тюрьме до их расстрела. По-видимому, после того, как были получены подписи заключенных путем шантажа. Долгие десятилетия близкие осужденных томились в неведении об их судьбе. Том «переписка» приоткрывает участь семей. Жены, матери, сестры годами дежурили у справочных окон и получали заведомо ложные ответы о том, что их родные живы и отбывают наказание в лагерях. А в 1956 г., когда они получили краткие извещения о реабилитации, в Военную прокуратуру, в КГБ и даже в Москву (К.Е. Ворошилову) чередой стали поступать обращения с просьбой оказать содействие в поисках близких.

Определением Военного трибунала УРВО от 30 октября 1956 г. постановление от 25 августа 1937 г. в отношении осужденных по делу «Общества трудового духовенства» было отменено, но резолюционная его часть была объявлена под расписки сначала родственникам

33 осужденных, проживавших в 1937 г. в Молотовской области, а потом в ответ на обращения – остальным.

При поступлении обращений от родственников пострадавших с просьбами прояснить судьбу близких начальник Учетно-архивного отдела УКГБ Молотовской (Пермской) области оформлял одно за другим требования на проверку по оперативно-учетной карточке первого спецотдела УМВД. В нем указывались личные данные арестованного по делу «Общества...», место и год ареста. А на оборотной стороне после проверки заполнялись графы: когда и кем был арестован, когда и кем осужден, по какой статье (с отметкой об исполнении приговора и указанием настоящей даты расстрела); ставился и номер архивно-следственного дела.

После этого в УКГБ по области на каждого из них составлялось «Заключение» с рекомендацией, что именно объявить устно на запрос родственников. В «Заключении» указывали произвольно причину смерти и дату кончины, а затем составляли краткое предписание по поводу того, где нужно зарегистрировать смерть, с тем, чтобы в случае необходимости выдать свидетельство. Таким образом, в отношении пострадавших было «поставлено» 37 «посмертных диагнозов», а на руки выдано 18 фиктивных свидетельств о смерти: «умер от стенокардии», «умер от уремии», «умер от упадка сердечной деятельности», «умер от цирроза печени» и т.д.

Правда откроется детям и внукам осужденных после выхода «Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1989 о дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в 30-х – 40-х и нач. 50-х годов».

VIII

У этой истории есть еще одна сторона, связанная с внутренней стороной работы спецотдела. Сначала следователей, инициировавших процесс, ожидал карьерный взлет. Это был очень мощный «страт». Руководитель операции и несколько следователей были награждены оружием и металлическими часами. Мозжерин был переведен в Управление НКВД в Свердловск, где отличился особой ревностью в расположении к признанию «вины» группы партийных и советских руководителей. Таким образом, за два года работы в Перми и в Свердловске сложился «костяк» «передовиков фронта борьбы с врагами народа», отработавший до алгоритма методологию построения крупных коллективных дел.

А в 1939 г. вчерашние «герои» предстали перед судом в качестве «троцкистов и заговорщиков в рядах НКВД». Как, по каким каналам просачивалась правда о масштабах пермско-свердловской истории, мы достоверно не знаем, но очевидно, внимание руководства обратило на себя то, что по этому делу было арестовано слишком много советских руководителей. Ряд свердловских следователей: Дмитриев, Боярский, Граховский, пермский следователь Мозжерин – были проговорены к высшей мере наказания за применение недозволенных методов ведения следствия. После рассмотрения апелляций приговор был оставлен в силе. Несколько их коллег (Кузнецов, Ефимов) – получили приговоры к 8–10 годам исправительно-трудовых лагерей. Один из пермских руководителей структуры – активный участник процесса (Лосос) – покончил с собой. Их подчиненные – шестнадцать человек в чине сержантов и лейтенантов НКВД, отмеченные наградами в 1937 г., также получили приговоры к 8–10 годам заключения.

Но, что для меня лично явилось абсолютной неожиданностью в этой истории, это проявления порядочности и со стороны представителей структуры даже в тех условиях. Те, кто проводили проверку в 1939 г. по фактам незаконных методов ведения следствия в Свердловске, констатировали: «Не менее преступно было проведено дело в отношении группы попов и военнослужащих 9-го строительного батальона в Перми»⁵¹. Фразеологический оборот указывает в данном случае на то, что инспектирующие были людьми не церковными, однако им достало мужества говорить о **преступности** действий в отношении верующих. А ведь до «погрешения» церковно-государственных отношений еще четыре года... Реконструируя общую картину того, что происходило в Перми и в Свердловске, эти следователи добросовестно зафиксировали все процессуальные нарушения и по пермскому делу.

То же можно сказать об участниках проверки 1956 г. Отработавшая 12 пунктов, вызвавших сомнения и вопросы по следствию 1937 г., они не ограничились только переложением материалов предыдущих проверок, но и разыскали и опросили очевидцев тех событий: часть родственников осужденных, церковных сторожей, соседей. И в 1956 г. старшим следователем спецотдела комитета Государственной безопасности Молотовской области капитаном Розановым было подготовлено проработанное, убедительное основание для реабилитации необоснованно осужден-

ных. А это означало снятие «клейма позора» с них самих и с их родственников. То есть это невидимый для мира, но весьма весомый человеческий поступок. И, очевидно, что это не то дело, за которое можно получить «звезды» на погоны. Это не дело военных или советских руководителей. Это «всего лишь» верующие, но Розанов честно проводит эту проверку до конца.

История – вещь многомерная, было место честности и порядочности и в рамках «особого отдела». Однако в целом структура работала удивительно **асинхронно**. С одной стороны, мы видим примеры добросовестного исполнения заданий во время проверок, а с другой – непроходимый «блок» на уровне должностных инструкций, предписывавших сокрытие подлинных причин и времени смерти. Первый документ – это «Докладная записка» начальника 1-го спецотдела НКВД Союза ССР полковника Кузнецова – появился в сентябре 1945 г., а второй – директива КГБ при СМ СССР «О порядке ответов на запросы граждан о судьбе осужденных к высшей мере наказания в 30-е годы» от 24 августа 1955 г.

IX

В начале 90-х гг. в официальных ответах на запросы родственников репрессированных по делу «Общества трудового духовенства» указать место их расстрела будет обозначено лишь общее направление: «Документов о конкретном месте захоронения в деле не имеется и эти сведения в тот период времени в материалах следственных дел не отражались. Одно из мест захоронения жертв репрессий обнаружено на 12 км шоссе Свердловск – Первоуральск. <...> Пермской области тогда не существовало, нынешняя территория нашей области входила в Свердловскую, поэтому следственные дела и обвиняемые по ним лица направлялись в Свердловск для рассмотрения, вынесения решений и их исполнения»⁵².

Можно надеяться, что когда-нибудь будет обнаружена более конкретная информация в ведомственных архивах и, может быть, она будет обнаружена, а пока остается надеяться на работу волонтеров.

¹ РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия.

² Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (сокращенно ОСОАВИАХИМ, ОАХ) – советская общественно-политическая оборонная организация, существовавшая в период 1927–1948 гг.

³ Здесь имеются в виду защитники Кремля.

⁴ Вениамин (Федченков), митрополит. См.: На рубеже двух эпох. М.: Отчий дом, 1994. С. 160–161.

⁵ Цит. по: Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. 1700–2005. М.: Издание Сретенского монастыря, 2007. С. 329.

⁶ Документ появился в условиях начавшейся революции 1905–1907 гг., когда на особом Совещании при кабинете министров митрополит Антоний (Вадковский) просил хотя бы несколько ослабить бдительный контроль светской власти над Церковью. Тогда С.Ю. Витте выступил с критикой обер-прокурорского правления и поставил вопрос о предоставлении Церкви возможности созыва Собора. По предложению К.П. Победоносцева вопрос был передан в Синод, и определяющей в решении вопроса о созыве Собора оказалась позиция членов Синода, куда более последовательная и решительная, чем позиция обер-прокурора.

⁷ Предсоборное Присутствие в составе десяти иерархов, а также священников, профессоров и мирян, работавшего под руководством митрополита Антония (Вадковского).

⁸ В условиях работы Предсоборного Совещания, состоявшего из семи человек, в том числе – трех архиереев.

⁹ 5 января 1918 г. в России начало работу Учредительное собрание. (По политическому составу оно было «эсеровским» – 40 % в нем составляли эсеры). Выборы показали, что большевистская партия не является лидирующей в России. Учредительное собрание одобрило первые декреты советской власти. Но при этом оно отвергло идею социалистического выбора в большевистском прочтении – идею «диктатуры пролетариата» (и «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа»). В ночь с 6 на 7 января 1918 г. ВЦИК принял решение о роспуске Учредительного собрания. Это-то и послужило началом гражданского раскола в обществе, поскольку мнение множества людей, ожидавших созыва Учредительного собрания и считавших, что именно оно должно решать вопрос о форме государственной власти в России, было проигнорировано. То, что отказалось сделать Учредительное собрание, сделал 1 Всероссийский съезд Советов. Он принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» с курсом на построение социализма, понимаемого как «диктатура пролетариата» (то есть 1-го класса по отношению к остальным; союзником пролетариата признавалось только беднейшее крестьянство). См.: История России: учебник / под ред. А.С. Орлова, В.А. Георгиева, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. 4-е изд. М.: Проспект, 2012.

¹⁰ Первоначально в Петрограде и в окрестностях совершались нападения на отдельные храмы, а в январе 1918 г. большевики объявили о «реквизиции» Александро-Невской Лавры.

¹¹ Цит. по: Малягин В. Святитель Тихон, Патриарх Московский и Вся Руси. М.: Даниловский благовестник, Комсомольская правда, 2014. С. 75–76. Или: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943: сб. в 2 ч. / сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994. С. 83–84.

¹² См.: Филимонов В.П. Святой преподобный Серафим Вырицкий и Русская Голгофа. СПб.: Статисъ, 2008. С. 47–48; См. также: Неделя 36 по Пятидесятнице (10 февраля) Святая Православная Церковь празднует память Собора новомучени-

ков и исповедников Российских [Электронный ресурс] // Никольский благовест. № 44 (94) 10 февраля. 2002. URL: <http://www.nikolay.orthodoxy.ru/blagovest/94.htm> (дата обращения: 10.10.2009).

¹³ Цит. по: Малягин В. Святитель Тихон, Патриарх Московский и Вся Руси. М.: Даниловский благовестник, Комсомольская правда, 2014. С. 100.

¹⁴ Цит. по: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943: сб. в 2 ч. / сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994. С. 149–151.

¹⁵ Цит. по: Малягин В. Святитель Тихон, Патриарх Московский и Вся Руси. М.: Даниловский благовестник, Комсомольская правда, 2014. С. 75–76. Или: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943: сб. в 2 ч. / сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994. С. 96–97.

¹⁶ Цит. по: Малягин В. Святитель Тихон, Патриарх Московский и Вся Руси. М.: Даниловский благовестник, Комсомольская правда, 2014. С. 135.

¹⁷ Цит. по: Архивы Кремля: в 2 кн. Кн. 1: Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг. М. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. С. 140–144. См. также: Владислав Ципин, протоиерей. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). 3-е изд., испр. М.: Издание Сретенского монастыря, 2007. С. 381–382; Малягин В. Святитель Тихон, Патриарх Московский и Вся Руси. М.: Даниловский благовестник, Комсомольская правда, 2014. С. 75–76; Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943: сб. в 2 ч. / сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994. С. 141–143.

¹⁸ Первым идеологом борьбы с Церковью путем провокации внутренних расколов был Л.Д. Троицкий. См.: Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской Церкви (1921–1925 гг.). М.: РОССПЭН, 2004.

¹⁹ Сам местоблюститель Патриаршего престола – митрополит Крутицкий Петр (Полянский) находился в заключении; в период с 1925 по 1937 г. он прошел непрерывный путь арестов, ссылок и заключений и был расстрелян 10 октября 1937 г., хотя еще за год до того власти объявили о его «кончине».

²⁰ Например, епископ Нарвский Антонин (Грановский), привлеченный «обновленцами» на их сторону, оставил весьма нелицеприятную характеристику этого нового течения: «Во времени собора 1923 года не осталось ни одного пьяницы, ни одного пошляка, который бы не пролез в церковное управление и не покрыл бы себя титулом или митрой. Вся Сибирь покрылась сетью архиепископов, наскочивших на архиерейские кафедры прямо из пьяных дьячков». См.: Труды первого Всероссийского съезда или Собора Союза Церковное Возрождение. М., 1925. С. 37. Цит. по: Бабаян Г. Обновленческий раскол в документах. На примере приходов Московского региона. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви (с начала XX в. до 1943 г.). Ч. 5 [Электронный ресурс] // Московская Сретенская духовная семинария. URL: <http://sdsmp.ru/news/n5169/> (дата обращения: 15.10.2017).

²¹ В чем его представители усматривали «род церковного монархизма» и необоснованно заявляли о «неканоничности» этой формы правления в Церкви. См.: Деяния Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Петроград, 1918. М.: Новоспасский монастырь, 1994–2000. Т. I–XII (репринт). Т. II.

²² Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб.: Нестор, 1999; Обновленческий раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / сост. И.В. Соловьев. М.: Общество любителей церковной истории, Издательство Крутицкого подворья, 2002.

²³ Так, наиболее радикальная фракция «обновленцев» – «Союз Общин Древле-Апостольской Церкви» (СОДАЦ) под водительством А. Введенского провозглашала «капитализм – смертным грехом», что нашло отражение в решениях Первого обновленческого собора (1923 г.), а прот. Евгений Белков собирался объединить под своим кураторством в «союз монастырских религиозно-трудовых коммун» монастыри, пытавшиеся сохраниться под видом «трудовых артелей».

²⁴ См.: Беглов А. В поисках «безгрешных» катакомб. Церковное «подполье в СССР». М., 2018.

²⁵ Основной документ будет принят в декабре 1936 г.

²⁶ Цифра 4 млн приводится в учебнике МГУ, рекомендованном для вузов: История России / под ред. А.С. Орлова, В.А. Георгиева, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. 4-е изд. М.: Проспект, 2012; Цифры 8 млн придерживался д-р ист. наук В.П. Данилов – крупнейший отечественный специалист по аграрной истории XX в., автор и составитель сборников документов: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: в 5 т. М.: РОССПЭН, 1999–2006; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939 гг. Документы и материалы: в 4 т. М.: РОССПЭН, 2000. Сторонником средней цифры – 7 млн является его коллега д-р ист. наук И.Е. Зеленин – специалист ИВИ РАН.

²⁷ См.: Головкова Л.А. Доклад кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Научно-исследовательского отдела Новейшей истории Русской Православной Церкви (НИО НИРПЦ ПСТГУ) на Зимней сессии Богословской конференции ПСТГУ 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://d-v-sokolov.livejournal.com/506607.html> (дата обращения: 08.08.2019); Мелентьев Ф. «В 1937 году в центр полетели телеграммы с просьбой увеличить лимит арестов». Заметки об открытой лекции «Бутово – русская Голгофа» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravoslavie.ru/jurnal/57901.htm> (дата обращения: 08.09.2012).

²⁸ Казанков А.И. Репрессии против духовенства в ходе проведения кулацкой операции в Прикамье (1937–1938 гг.) // «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. Пермь, 2006.

²⁹ Conquest R. The Great Terror, 1934–1938. London, 1968.

³⁰ Medvedev R. Let History Judge. The Origins and Consequences of Stalinism. Rev. ed. Oxford, 1989.

³¹ Antonow-Owsejenko A. Stalin. Portrat einer Tyrannei. Munchen, 1992.

³² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: в 5 т., 1927–1939 / под ред. В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола и др. М.: РОССПЭН, 1999–2006.

³³ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД, 1937–1938. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной

власти / сост. Хаустов В.Н., Наумов В.П., Плотникова Н.С. М.: Международный фонд «Демократия», 2004.

³⁴ Сталинизм в советской провинции 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, Германский исторический институт в Москве, 2009.

³⁵ См., напр.: ГУЛАГ. Начало: материалы всероссийской науч.-практ. конференции / под ред. Ю.З. Кантор, С.А. Шевырина. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2017.

³⁶ Обухов Л.А. Пермь-36. Предыстория. ИТК № 6. 1942–1972 гг. Пермь, 2018.

³⁷ Одинцов М.И. Государство и церковь: История взаимоотношений, 1917–1938 гг. М., 1991.

³⁸ Шкаровский М.В. Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах. 3-е изд., доп. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 2000.

³⁹ Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется?: Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М.: Издательский центр «Россия молодая», 1992.

⁴⁰ Беглов А. В поисках «безгрешных» катакомб. Церковное «подполье» в СССР. М., 2018.

⁴¹ Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). 3-е изд., испр. М.: Издание Сретенского монастыря, 2007.

⁴² Русская Православная Церковь. XX век. К 1020-летию Крещения Руси. По благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Сретенский монастырь, 2008.

⁴³ См., напр.: Мазырин Александр, священник. К вопросу о богословии новомучеников [Электронный ресурс] // Кредо. Пресс. URL: <https://credo.press/166680/> (дата обращения: 21.01.2019).

⁴⁴ Емельянов Н.Е. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. // Культура. Образование. Православие: сб. материалов региональной научно-практической конференции. Ярославль, 1996; Емельянов Н.Е. Сколько репрессированных в России пострадали за Христа? // Православие и мир [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravmir.ru/skolko-repressirovannykh-v-rossii-postradali-za-xrista> (дата обращения: 20.03.2011).

⁴⁵ Нечаев М.Г., Уткин С.В. Исполнение приказа № 00447 в среде православных Пермской епархии // Сталинизм в советской провинции 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. / сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, Германский исторический институт в Москве, 2009.

⁴⁶ Дегтярева М.И., Дегтярева Н.Е. «Оглядываясь на тридцать седьмой»: следственные дела священников, пострадавших в Перми в год «большого террора» // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. Вып. 3 (23).

⁴⁷ Артемьев А.В. Иеромонах Нифонт (Агафонов): путь от социализма до Креста // Материалы IX Международной студенческой научно-богословской конференции 10–11 мая 2017 г. К 100-летию подвига Новомучеников и Исповедников Церкви Русской. Ч. 2. СПб.: Издательство СПбДА, 2017; Олисов А.В. «Оставшийся верным Церкви»: священник Александр Мальцев // Научно-богословский вестник Пермской духовной семинарии. 2017; Щелканов А.А. Архивно-следственное дело священника Виктора Новожилова 1932 г. (По материалам

ПермГАСПИ) // Научно-богословский вестник Пермской духовной семинарии, 2018–2019 гг.; Попов Н.А. Архивно-следственное дело священника Василия Мельникова и диакона Никифора Брагина (1929–30 гг.): методы филологического и сравнительного анализа при «тестировании» документов на достоверность // Научно-богословский вестник Пермской духовной семинарии. 2018–2019 гг.; Ершов А. «Когда свидетельствует дело». Памяти священника Алексея Золотова.// Православие.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/109420.html> (дата обращения: 02.03.2018); Олисов А. «Оставшийся верным Церкви»: священник Александр Мальцев // Православие.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/105752.html> (дата обращения: 02.03.2018).

⁴⁸ Архивно-следственное дело Степанова, Гуляева, Беклемышева, Коровина и др. («Общество трудового духовенства»). ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 6. Л. 118.

⁴⁹ Архивно-следственное дело Степанова, Гуляева, Беклемышева, Коровина и др. («Общество трудового духовенства»). ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 6. Л. 120.

⁵⁰ Архивно-следственное дело Степанова, Гуляева, Беклемышева, Коровина и др. («Общество трудового духовенства»). ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 6. Л. 145–146.

⁵¹ Архивно-следственное дело Степанова, Гуляева, Беклемышева, Коровина и др. («Общество трудового духовенства»). ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 6. Л. 117.

⁵² Архивно-следственное дело Степанова, Гуляева, Беклемышева, Коровина и др. («Общество трудового духовенства») // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Переписка. Л. 210.